

Содержание

<i>Слово эксперта</i>	5
<i>От автора</i>	13
<i>Вступление. «Архив №1»: какие тайны хранит подzemелье Верховного суда</i>	15

Часть I

Как на Руси судили ведьм, чародеев и писателей 27 |

Глава 1. Кость великана, медвежья голова: дела о колдовстве и чародействах	29
--	----

Глава 2. Лев Толстой: судья и подсудимый	50
--	----

Часть II

Революционное «правосудие» 71 |

Глава 1. Дело палача лейтенанта Шмидта	73
--	----

Глава 2. Был бы изобретатель, а дело найдется: рассекреченное дело Льва Термена	83
---	----

Глава 3. Банда монашек	104
------------------------------	-----

Часть III

Процессы в годы Второй мировой войны 117 |

Глава 1. Как судили в блокадном Ленинграде	119
--	-----

Глава 2. Уникальное дело об аборте	132
--	-----

Глава 3. Следствие на клочках бумаги и тряпках	139
--	-----

Часть IV

Громкие убийства советских граждан 147

Глава 1. Смерть семьи тульских оружейников 149

Глава 2. Чисто питерское убийство 160

Глава 3. Дело Раскина:
лучшая в XX веке речь защиты 179

Глава 4. «Смертник» и его жертва 193

Часть V

Неразгаданные тайны 201

Глава 1. Адский автобус и 42 мертвых пассажира 203

Глава 2. «Второй перевал Дятлова» 219

Глава 3. Теракт на Котляковском кладбище 236

Часть VI

Шум на весь мир 251

Глава 1. Три вердикта для одного поэта:
все судебные решения по делу
Иосифа Бродского 253

Глава 2. Мать террористов:
захват самолета семьей Овечкиных 271

Эпилог 283

Слово эксперта

Эта книга является продолжением цикла работ известного российского журналиста и правозащитника, члена Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, обладателя премии «Золотое перо России» Евы Меркачëвой. Входящие в книгу очерки публиковались на страницах одной из самых популярных сейчас газет — «Московского комсомольца»*. Почти все они посвящены общей проблеме: особенностям назначения и отбывания наказания за тяжкие преступления, например за неоднократно совершенные, вплоть до серийных, убийства. Почему Ева Меркачëва последовательно возвращается к столь необычной для многих теме? Думается, этот специфический «интерес» не объясняется какой-либо одной причиной.

Прежде всего он связан с проблемой смертной казни как уголовного наказания. Постоянный вопрос: является ли оправданным существующий запрет на ее применение к *таким* преступникам? Ответ действительно непросто — вряд ли еще какая-нибудь уголовно-правовая проблема так волнует многих, а не только юристов. Споры вокруг смертной казни идут не одно столетие, и даже священные книги толкуют этот вопрос неоднозначно. Например, Ветхий Завет исповедует принцип

* См. книги Е. Меркачëвой: Преступления и тайны современной России. Расследования и репортажи «Золотого пера России». — М.: Книжный мир, 2017. — 320 с.; Град обреченных. Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 413 с.; Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах. — М.: Книжный мир, 2021. — 416 с.; Громкие дела. Преступления и наказания в СССР. — М.: Альпина Паблишер, 2023. — 278 с.; Кому на Руси сидеть хорошо. Как устроены тюрьмы в современной России. — М.: Альпина Паблишер, 2023. — 376 с.; Камерные репортажи и житейские притчи. — М.: Книжный мир, 2023. — 116 с.

«око за око, зуб за зуб», а Новый Завет его отрицает. Статистические данные о количестве убийств, совершенных в России за время действия моратория на смертную казнь, не подтверждают необходимость его отмены. Но Ева Меркачёва приводит и дополнительные, не менее убедительные, чем статистика, доводы против отмены моратория. Во-первых, это вероятность ошибки следствия и суда: «Минимум трое из тех, кого я интервьюировала, на мой взгляд, могут быть невиновны», — говорит она. Во-вторых, исповедуемый автором принцип главенства милосердия. «Прошу вас только об одном <...> помните произнесенную — не мной — притчу: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая Справедливость»*. Ева Меркачёва сумела убедить даже российские власти. Министерство юстиции России представило рабочей группе Совета ООН по правам человека доклад о национальных усилиях в правозащитной сфере — принципиальным моментом здесь является тезис: «возвращение смертной казни в России исключено»**. Напомним, что и президент РФ В. В. Путин остается убежденным сторонником моратория на смертную казнь, о чем неоднократно публично высказывался***.

Другой причиной, объясняющей устойчивый интерес автора к теме, является стремление получить ответ на вопрос: до каких пределов *разумны* всевозможные ограничения свободы — именно свободы! — в исправительных учреждениях (колониях, тюрьмах) и следственных изоляторах? В каких случаях подобные ограничения не только допустимы, но и необходимы, а в каких являются лишь неоправданной жестокостью? Важно, что Еве Меркачёвой удалось не только исследовать нынешнее

* Цит. по: Меркачёва Е. М. Град обреченных. С. 8.

** Куликов В. «Возвращение смертной казни в России исключено». Минюст представил масштабный доклад о защите прав человека // Российская газета. 2023. 16 нояб.

*** Герейханова А. Путин обсудил с правозащитниками мобилизацию, СВО, выплаты врачам и нарушения прав человека // Российская газета. 2022. 7 дек.

положение дел, но и немало сделать для его исправления — прежде всего в части соблюдения международных стандартов исполнения наказания в виде лишения свободы. Так, президент РФ назвал явным нарушением прав человека описанную автором книги ситуацию, когда подозреваемых «держат пять лет в СИЗО до суда», и дал поручение прекратить подобную практику*.

Через Совет по развитию гражданского общества и правам человека журналистам и правозащитникам удалось довести до сведения президента ряд наиболее вопиющих случаев — рассказать об участии должностных лиц исправительных учреждений в применении пыток к осужденным; виновные были наказаны, к тому же приняты соответствующие поправки в УК РФ. Например, существовало такое вполне обычное для нынешнего судопроизводства явление, как применение кандалов (ручных и ножных!) к женщинам, вина которых еще не доказана, а также к подозреваемым в ненасильственных преступлениях. Благодаря вмешательству Меркачёвой эта средневековая практика была прекращена президентом РФ: «Что касается того, что кого-то возят на допросы в кандалах, тем более за экономические преступления, — даже не знаю, как это квалифицировать. Обещаю вам, что внимание на это будет не просто обращено, а добьемся того, чтобы подобная практика была прекращена»**. Ну что же, Ева, с победой тебя!

Наконец, еще одно. Автор книги справедливо обращает внимание на то, что, например, к находящимся в СИЗО людям указанные ограничения свободы применяются до признания их виновными, притом что некоторые из этих людей впоследствии будут признаны невиновными даже юридически, по приговору суда. То есть вовсе не каждый лишенный свободы в СИЗО — преступник! Не могу не отметить, что благодаря

* Там же.

** Там же.

усилиям Евы Меркачёвой теперь у заключенного, находящегося в строгих условиях изоляции, появляется право на телефонные звонки — соответствующие поправки внесены в действующее законодательство. Так что вновь: браво, Ева!

Нынешняя (седьмая по счету) книга автора отличается от предыдущих ярко выраженным *историческим* аспектом. В ней шесть частей. И первая из них посвящена судебным процессам по обвинению в... колдовстве и соответствующим наказаниям. Что делать — были такие времена не только у нас на Руси, но и в самой что ни на есть *Западной* Европе. Взять хотя бы «Каролину» — известнейшее «Уголовно-судебное уложение Священной Римской империи германской нации» 1532 г., признававшее колдовство преступлением.

Однако в России такие дела встречались аж до 1860-х гг. Одно из них, изученное автором, относится к 1724 г. и имеет (на обложке) название: «Дело по обвинению в колдовстве крестьян князя Федора Алексеевича Голицына Михаила Терентьева, Михаила Иванова и Ирины Федотовой с. Грязновки Епифанского у.». Суть в том, что крестьянку Арину (Ирину) заподозрили в отравлении мужа — Андрея Федотова. Следствие выяснило, что «коренья» (средство отравы) дал ей «для злого дела» крестьянин Михаил Иванов. При этом «велел <...> истолочь их и мужу давать в питье, чтобы его умертвить».

В другом подобном деле «дворовая девка» (крепостная) Настасья Иванова обвинялась в «чародействе» с корыстной целью — «чтобы помещик и помещица сохли и от наговоренной соли (ее) любили».

Читателю наверняка будут интересны и другие истории об обвинениях в различных видах колдовства.

Думается, не менее увлекательными окажутся дела, связанные с великим русским писателем Львом Толстым и посвященные его участию в судебных процессах в качестве мирового судьи и присяжного заседателя. Изучение обнаруженных автором дел показывает, что в тяжбах между помещиками и крестьянами

Толстой обычно принимал сторону последних — неудивительно, что помещики его ненавидели и писали на него доносы. В ряде случаев Толстой выступал в качестве свидетеля, а однажды даже обвинялся в смерти человека. Хорошо, что в дело вмешался опытный прокурор, сумевший доказать невиновность писателя в инкриминированном преступлении.

Ева Меркачёва приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что Лев Толстой часто посещал Тульский окружной суд (в этом здании сейчас областной суд) и был хорошо знаком с его председателем Давыдовым. С ним Толстой многократно встречался не только в Туле, но и в Ясной Поляне. Известно, что, заботясь о максимальной достоверности при изображении судопроизводства, Толстой при создании романа «Воскресение» просил Давыдова написать текст обвинительного акта по делу Катюши Масловой и сформулировать вопросы суда к присяжным заседателям. К тому же в основу сюжета легло реальное уголовное дело (девушку звали Розалия Онни), о котором Толстой узнал от известного судебного деятеля А. Ф. Кони — и даже называл свой роман «конивской повестью».

Имеют ли значение «толстовские» дела для оценки современного нам правосудия? Автор книги задается вопросом: что больше всего поражало Льва Толстого при столкновении со следствием и судом? И отвечает: «Первое и главное — волокита». Он сделал вывод, что и другие люди сидят в острогах в ожидании длительного следствия, а потом начинаются судебные проволочки. А виновные в этом чиновники не несут никакой ответственности. Так что нынешним жрецам и жрицам Фемиды небесполезно будет прислушаться к мнению великого писателя по поводу судопроизводства и к его советам на сей счет. От этого современное правосудие только выиграет.

Здесь, пожалуй, остановлюсь — пусть читатель сам знакомится с другими (да и с названными) архивными уголовными делами. Для затравки назову лишь темы некоторых изложенных в книге правдивых историй.

Например, дело 1939 г. по ложному обвинению известного советского изобретателя Льва Термена — создателя первых в мире телевизионной и автоматической систем, сигнализации и так называемого терменвокса — необычного музыкального инструмента, который был известен даже Ленину. За участие в контрреволюционной организации ученый был осужден на восемь лет лагерей, но впоследствии полностью реабилитирован. А после обращения Е. Меркачёвой в архив ФСБ начался процесс рассекречивания материалов дела.

Весьма своеобразно так называемое дело «банды монашек» — монахинь закрытого Успенского женского монастыря: по итогам расследования 42 «Христовы невесты», включая 80-летних чахоточных старушек, оказались признаны бандформированием. Дело было целиком и полностью сфабриковано — однако несчастных женщин реабилитировали лишь через 85 лет.

Безусловно интересны (не только с исторической стороны) архивные дела о правосудии в блокадном и послеблокадном Ленинграде. Уникальное по-своему дело (дошедшее до Верховного суда РСФСР) нашлось в судебном архиве Ленинграда: дело о незаконном аборте во время блокады.

В заключение замечу, что Е. Меркачёва успешно продолжает популярный еще в дореволюционной России жанр судебных очерков. К нему обращался и «король репортеров» В. Гиляровский. В позднесоветские, а также в перестроечные годы в жанре судебного очерка нередко работали такие яркие журналисты, как Евг. Богат, О. Чайковская, А. Ваксберг. К сожалению, взбесившаяся в начале и середине 1990-х гг. организованная преступность с ее кровавыми разборками, едва ли не постоянно изображаемая в столь любимых зрителями сериалах на ТВ, снизила интерес к судебной проблематике. Меньше стало подобных сюжетов и в журналистике — внесли свою лепту ставшие весьма популярными детективы с «крутыми» героями, во множестве изготавливаемые отечественными Жоржами Сименонами и Агатами Кристи.

И хорошо, что «Московский комсомолец» не просто возродил судебный очерк, но, благодаря работам Е. Меркачёвой, смог достучаться до Читателя, Общества и Власти, вновь и вновь напоминая о злоупотреблениях при исполнении наказания в виде лишения свободы, связанных с нарушением прав человека в пенитенциарных учреждениях, включая следственные изоляторы и тюремные больницы.

А. В. Наумов,

*профессор, доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Национальной премии
по литературе в области права,
член Союза писателей Москвы*

От автора

Эта книга — продолжение «Громких дел». Во время работы в российских архивах (как судебных, так и городских или областных) я обнаружила настоящие сокровища. Причем это уголовные дела не только советской эпохи, но и царской России. Российская судебная система развивалась непросто, но фактически возникла вместе с государством. Суды в том понимании, в котором мы их сегодня себе представляем, появились в Российской империи в начале XVIII в. А уголовные дела, которые рассматривались в те времена, до сих пор целы. Так, в Государственном архиве Тульской области хранятся поистине захватывающие материалы — о расследовании случаев колдовства и чародейства. Самое раннее из дел датировано 1724 г. — некоторые из них никто не брал в руки три столетия. Чтобы расшифровать тексты, пришлось прибегнуть к помощи экспертов по древнерусскому языку. Интересно, что в процессе исследования выяснилось: некоторые из обвинений были простыми доносами — средством расправиться с неугодными (ах, как напоминает то, что потом повторялось не раз!).

Больше всего потрясли десятки дел, в которых судьей был Лев Толстой. Я изучила лишь некоторые из них — это бесценный материал для понимания эпохи и личности писателя. Кстати, сам Толстой едва не попал под каток следствия: однажды был обвинен в убийстве (впрочем, непреднамеренном).

Виктор Гюго говорил: «Для меня не важно, на чьей стороне сила; важно то, на чьей стороне право». Однако в разные времена право представало в разных обличьях. Были периоды, когда в нашей стране судили за то, о чем в другие времена даже говорить казалось дико. В блокадном Ленинграде можно было получить срок за продажу плитки шоколада или за превышение

нормы потребления продуктов на человека. Фемида должна была подстраиваться под реальности, которые не всегда соответствовали принципам гуманности. Однако многим казалось, что таким образом общество стремится выжить.

Дела об убийствах в годы СССР я выбирала исходя из их актуальности сегодня. Ну и, конечно, не могла обойти стороной те, которые, по сути, так и остались нераскрытыми.

Приглашаю читателя вместе со мной прогуляться по судебным архивам и окунуться в атмосферу давнего правосудия — каким бы оно ни казалось с сегодняшней точки зрения.

Выражаю благодарность председателям и пресс-секретарям судов, а также хранителям архивов.

Вступление

«Архив №1»: какие тайны хранит подземелье Верховного суда

Сюда вы не попадете никогда. Это самое таинственное место в Верховном суде РФ. Подземное хранилище, где от чужих глаз спрятаны уникальные вещдоки. Труссы первых советских сексуальных маньяков со следами крови их жертв... Книжки, которые читали серийные убийцы перед тем, как идти на свою страшную охоту... Пряжи волос диссидентов... Магнитофонные кассеты с допросами самых искусных жуликов Союза...

Даже сами судьи понятия не имеют о «сокровищах», которые десятилетиями лежат на этих полках. Причем останутся на них навсегда, поскольку дела, которые рассматривал Верховный суд в первой инстанции, хранятся вечно.

Здание Верховного суда РФ уходит под землю на четыре этажа. Между прочим, на минус четвертом даже проходят заседания, куда привозят опасных преступников. Сами они обычно даже не предполагают, что судят их глубоко под землей — почти как в аду. Архив же расположен несколько ближе к свету, на минус втором этаже. В архивохранилище — странный потолок с балками, доходящими до уровня шеи (их сделали позже, когда поняли, что не предусмотрели опору для такой громадины). Стоит чуточку забыть и вовремя не пригнуться на пути к вещдокам — шишка на лбу обеспечена. А вещдоки лежат, аккуратненько разложенные по полочкам. В основном —

в больших бумажных конвертах или подписанных свертках, но есть и без Ф. И. О. владельцев.

Вот, скажем, книжка «Сильнее смерти» в ветхой обложке: работники архива точно знают, что она принадлежала одному из первых серийных маньяков, но какому именно — в материалах дела не сказано.

— Обычно, когда судья выносит решение, там оговаривается и судьба вещдоков, — поясняет работник аппарата хранения

Эта книга была настольной у жестокого убийцы*

Документ подсудимого — такие есть почти в каждом деле

документов Верховного суда РФ Марина Викторовна. — Звучит это примерно так: «Топор изрубить, металл сдать на металлолом, вещи убитой отдать родственникам». Но кое-какие вещи по приговору обязывают хранить при деле. Поэтому мы, вне зависимости от того, что это (хоть кусочек тряпки, хоть ноготь), обязаны их хранить вечно. Уничтожить или передать кому-то можно только по специальному решению комиссии Судебной коллегии Верховного суда.

В Верховном суде всегда рассматривали, скажем так, нерядовые дела, поэтому у каждого вещдока нерядовая история. Подчас — кровавая...

Фотографии, блокноты, сберкнижки, профсоюзные билеты — все это принадле-

* Помещенные в книгу фотографии (за исключением специально отмеченных случаев) сделаны автором.

жало крупным советским мошенникам и коррупционерам. Издоимцев-чиновников в советское время было не меньше, чем в нынешней России, просто широкой огласке их дела не предавали. Дела различных директоров заводов и ресторанов не так интересны. Взятки, превышение служебных полномочий — всё как всегда.

А вот так называемое дело «цеховиков»: Министерство коммунального хозяйства и потребительской кооперации имело цеха, изготавливавшие товары народного потребления, и среди них был Ростовский фотокомбинат. В Верховном суде признаются, что за все время никто материалы дела ни разу не затребовал. То ли не знали о нем, то ли еще что. Открываешь папки с вещдоками — и мурашки по коже, хотя в папках всего лишь открытки. Но зато какие! Те самые, всем нам до боли знакомые, советские. К открыткам ведь тогда было совсем другое отношение: их коллекционировали, берегли. А уж полученная по почте открытка сколько радости доставляла!

Все, кто проходил по уголовному делу, эти самые открытки и делали. Но примерно так: официально — пять открыток, а «налево» — 35. Причем левак был совсем другого качества: даже негативы изготавливались не на пленке, а на серебре. Преступники списывали фотобумагу как бракованную, воровали краски, оформляли фиктивные гонорары...

Это уголовное дело уникально тем, что в нем, по сути, история всего производства открыток в СССР. Среди вещдоков сохранились первые эскизы художников, забракованные варианты. Ну а само дело вызвало такой шум в высших кругах, так возмутило всех, что зампреда Верховного суда РСФСР Анашкин даже написал докладную министру культуры Попову. Цитирую: *«В группу расхитителей входили лаборанты Левин и Белоусов, начальник цеха Нескородеев, завскладом Килович и ряд работников “Союзпечати” разных областей. В результате преступных действий указанной шайки причинен ущерб в сумме 580 тыс. руб.»* По деньгам 50–60-х гг. прошлого века сумма была астрономической!

Надо сказать, что это одно из первых дел «цеховиков». На других комбинатах по такому же принципу производили одежду и прочие товары народного потребления. Левак на официальных предприятиях делали ночами, в третью смену.

Ну а мошенники... Современным жуликам поучиться у них надо. Взять хотя бы дело коллеги по цеху — корреспондента

Автомобильный номер — неожиданная находка в архиве

Мильмана (часто печатался под псевдонимом Роман Романовский), который, так сказать, использовал писательский дар не по назначению. Дело 1959 г. Журналиста, прошедшего всю войну в качестве корреспондента «Комсомольской правды» (мать писала, что он был также разведчиком), гастролировавшего под эгидой

Росконцерта и читавшего со сцены рассказы, обвинили в шантаже и вымогательстве. Неординарная личность, интереснейший случай!

Романовский-Мильман стал писать серию книг, в том числе «Кто есть кто в Советском Союзе». Якобы принялся за нее с одобрения Калинина. Рассказывал всем, что был на приеме у «всесоюзного старосты», и в доказательство демонстрировал книжку с дарственной надписью Калинина. Кто же такому откажет! Вот и заполняли самые известные в Союзе люди — от министров до артистов — анкеты, которые им приносил Мильман (сам же их и разработал). Плюс в разговоре сообщали ему кое-какие данные личного характера. А он потом их шантажировал. Многие боялись огласки — и потому платили. Пострадавшими по делу проходят летчики, режиссеры, полярики, балерины... В Верховном суде — целый ворох вещей корреспондента (во время обыска сгребли все, что было в его питерской квартире): стенограммы интервью деятелей партии

и государства, заполненные анкеты, фотографии, которые ему давали для книги известнейшие люди страны, черновики... Даже квитанции об уплате партийных взносов прихватили. Мильмана осудили, и он отсидел все 12 лет, а ущерб по искам выплачивал аж до конца 1960-х гг., так и не рассчитавшись до конца.

— Мы не знаем достоверно: вдруг шантажа на самом деле не было и его таким образом просто наказали за что-то, — рассуждают работники. — Хотя, с другой стороны, он никогда не пытался обжаловать решение. И странно, что так и не затребовал из архива свои документы. Может быть, потому, что мать пыталась вернуть весь литературный архив, но получила отказ. А ведь там были в том числе рукописи одной из его последних книг — «Ваш девиз», которая представляет собой ответы 100 выдающихся деятелей Советской Латвии на этот вопрос...

В моих руках — фотоальбом одного из самых известных советских маньяков Васи Кулика. Хроника всей его жизни.

Видно, что родители (папа — профессор-энтомолог, мать — директор школы в Иркутске) заботливо вклеивали каждое фото. Здесь нет снимков младенца сразу после рождения. И слава Богу, ибо Вася был на редкость уродлив. Вот слова его матери: *«Когда я впервые увидела новорожденного, то ужаснулась — он был очень маленький, без ногтей, уши вдавленные, большой живот пульсировал так, что казалось, лопнет... Он появился на свет недоношенным, семимесячным. До полугода его не купали, так как кожа от воды начинала чернеть. Только в шесть месяцев он начал походить на ребенка»*. Примерно к этому возрасту относятся первые снимки. Но и на них видно, что ребенок болезненный и измученный. Когда Вася появился на свет, родителям было уже за 40, роды длились неделю — с 10 по 17 января! Кстати, врач, по словам матери, с самого начала отговаривала ее рожать, уверяла, что это будет нечеловек... Такая почти мистическая история.

А вот полуторагодовалый Вася в коляске. На первый взгляд — обычный улыбчивый ребенок, но стоит присмотреться: в нем уже тогда было нечто опасное. И примерно в это время он начал страдать лунатизмом.

Листаю альбом дальше. Тут Вася уже возмужал. На фото он в армейской форме и кажется почти симпатичным. К тому времени он занимался боксом. Стал чемпионом города. И все равно

В вещдоках — фото Васи Кулика, одного из самых жестоких в истории СССР маньяков

от этих его фоток словно холодом веет. Глаза — бездонные, нехорошие, и улыбка развратная. Кулик вообще рано стал интересоваться сексом. Потом в мединституте, где учился, составлял снотворные снадобья, которые подмешивал в спиртное однокурсникам. Приглашал их на природу, опаивал и насиловал. Поскольку те ничего не помнили — в милицию не заявляли.

Следующее фото Кулика — уже после травмы. В 1980 г. хулиганы-подростки ударили его обрезком трубы по голове и ограбили. После этого Кулика перестали интересовать

женщины. Из показаний: *«Вначале я думал только о девочках, потом — и о мальчиках, а также о старушках...»* И он начал убивать. Первой жертвой Васи была девятилетняя девочка. Самой младшей исполнилось два года и семь месяцев. Показания несчастных матерей, которые тоже хранятся в архиве, читать просто невыносимо... Даже буквы, кажется, рыдают.

В архиве Верховного суда лежат пуговицы с одежды жертв Кулика, их волосы... Трудно сейчас сказать, почему их сохра-

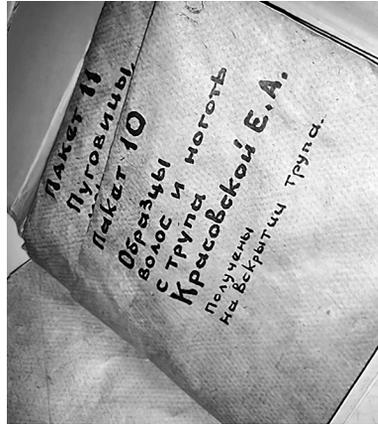
нили, ведь ценности как таковой они не имеют и иметь не могут. В 99% случаев такие вещдоки уничтожают. Сейчас эти частицы того страшного прошлого будто сами говорят: маньяк Вася с фотографий не какой-то мифический персонаж. Он был. Он столько погубил. Может, поэтому руки немного дрожат, когда держишь их.

То, что альбом Кулика изъяли, понятно (следователи изучали снимки, в частности, на предмет того, были ли шрамы, изъяны, пластические операции и т.п.). А вот то, что никто из родных его не забрал, — странно. Видимо, семья хотела избавиться от любых воспоминаний.

Рядом с этими вещдоками лежат те, что проходили по делу Головкина. Этот маньяк орудовал в то же время, что и Кулик, в Москве и был известен как Фишер.

А вот вещдоки по делу сексуального маньяка Бориса Гусаква, которого прозвали «охотником на студенток» (он убивал их в течение пяти лет). Среди папок с документами нашла его последнее слово на суде. Гусаков, как сейчас выражаются, малораскрученный маньяк, а уж его последнее слово и вовсе никто, кроме нескольких судей, не читал. Буду цитировать самые интересные моменты:

...Если меня и оставят в живых, то этот акт гуманности буду считать случайностью или ошибкой суда, так как все факты говорят против того, чтобы мой жизненный путь был сохранен, хотя жить безумно хочется.

Образцы волос и ногтей хранятся уже более полувека

...Клянусь, что совершенные убийства делал не с целью грабежа и разбоя с целью обогащения, а в силу закоренелых патологоанатомических наклонностей, какой-то тупой аномалии, вызвавшей сексуальную болезнь, с которой я не мог справиться. Рыдаю всей душой за безвинно загубленные жизни...

...Чистосердечно признаваясь во всех своих преступлениях, сам помогал следствию, так как ни один свидетель по поводу моих убийств не показывает против меня...

...Граждане судьи, вы вправе меня спросить: как я, советский женатый человек, мог совершить такое злодеяние? Сейчас, имея возможность проанализировать все случившееся, я сам содрогаюсь от ужаса содеянного. Чувство раскаяния и глубокого горя обязывает меня подробно осветить все адские чувства, что двигали мной. В возрасте 14 лет у меня появились болезненные наклонности, и я стал заниматься онанизмом, который прогрессировал все больше и больше. Я превратился в прелюбодея, который для удовлетворения половой страсти своей был способен на все. Я не был в силах самостоятельно остановиться, не обращался к врачам за помощью, боясь насмешек, стыдяться. Желая избавиться от своего недуга, я женился, но это не помогло...

...Граждане судьи, вы пойдете сейчас в совещательную комнату выносить приговор — пусть он будет самым суровым, но прошу вас на весах взвесить все мельчайшие возможности сохранить мне жизнь. Клянусь, что все свое здоровье и силы я отдам упорному труду, чтобы этим самым хоть немного восполнить ущерб и горе, нанесенное родным убитых.

В своем последнем слове маньяк еще жаловался на трудное нищее детство: больная мать, все заботы по дому лежали на нем, потом помогал бабушке, вырастил сестру. Но стоит просто посмотреть список вещдоков, как мимолетная жалость испаряется: комбинации, бюстгальтеры, чулки, платья... Все это было на жертвах, которых он насиловал и убивал, убивал и насиловал. Психиатры посчитали Гусакова вменяемым, и суд приговорил его к высшей мере. В 1970 г. он был расстрелян, но, по мнению некоторых, так и осталось невыясненным, сколько именно жертв на его счету (доказано только 15 нападений в период с 1963 по 1968 г.).

Есть в архиве дела маньяков не сексуальных, а, скажем так, политических. Среди них — одно из первых антисемитских дел: дело убийцы Коровина. Среди вещдоков — тряпка, в которую был завернут пистолет (орудие убийства), и картонки с лозунгами антисемитского содержания. В последних — что-то типа «так будет со всеми жидами».

Коровин был механиком на Свердловской киностудии. Собрал вокруг себя группу на почве антисемитизма, а потом все это превратилось в банальную ОПГ — банду. Два вооруженных налета, несколько трупов... Коровин не пожалел даже соседку, которая была еврейкой. Его казнили.

Кстати, странное дело: в советские годы, когда людям давали расстрельную статью, с них взыскивали гражданские иски. Часто для этого распродавали все имущество казненного, но бывало, что по счетам приходилось платить родным убийц и маньяков.

Что лично меня потрясало из вещдоков — так это трусы и тампоны. Казалось бы: ну зачем хранить такое? Но нет, суд так постановил. За почти полвека улики даже не испортились. Это благодаря особому температурному режиму архивохранилища.

Ничуть не пострадали и киноплёнки — приложения к психиатрической экспертизе. Может быть, когда-нибудь их используют

На складе вещдоков есть даже трусы серийного насильника

Среди улик чаще всего попадают кассеты с записями допросов

в документальных фильмах. Недавно работники прослушали кассету с допросом витебского маньяка (дело 1989 г.) — того самого, что, будучи дружинником, сам себя ловил, пока ему это не надоело и он не захотел наконец прославиться — и подставился. Кассета звучит превосходно! Вообще больше всего здесь именно магнитофонных кассет с записями допросов, показаниями свидетелей и потерпевших. Была идея перевести все в электронный формат, но дело это сложное и долгое. Да и неизвестно, захочет ли кто-то когда-нибудь их послушать...

Невольный трепет вызывают ставшие уликами личные вещи персонажей нынче уважаемых, знаменитых. Передо мной — рукописи, а точнее, вещдоки по делу писателей Синявского и Даниэля, которых в 1965 г. обвинили в тунеядстве, что было чистой воды формальностью. На самом деле они считались антисоветчиками, потому как печатались за границей. Оба отсидели. Синявский потом эмигрировал, а Даниэль умер в России.

Обоих впоследствии реабилитировали, но их дело до сих пор хранится в ФСБ. А в Верховном суде — только личные вещи и документы как в их защиту, так и против. Десятки открыток от иностранной организации по защите прав человека, от министерств иностранных дел и юстиции разных стран с призывами освободить писателей теряются на фоне сотен писем простых советских граждан. А те требовали осудить «тунеядцев». От воззваний советских людей типа: «Пусть они будут прокляты!» — мурашки по коже, почти такие же, как от признаний маньяков...

Что еще можно найти на полках архивохранилища? Дробовик, который проходил по гражданскому делу как наследственное имущество. Ружье никак поделить не могли — вот и не досталось оно никому. В Верховном суде ствол специально подпилили и сделали его непригодным для стрельбы.

В числе вещдоков — предметы, которыми преступники пользовались в качестве оружия

А вот это неожиданно: в углу лежит внушительного размера труба, которая проходит как вещдок по делу об использовании служебного положения в корыстных целях. Есть тут и какие-то камни, железки... В материалах дел — никакой информации. Может, этими обломками убили кого? Может, изъяли у какого-нибудь известного скульптора?

Под руку попадают шарфы...

— Ничего ценного тут не найдете, — говорят хранители. — Изъятые норковые шубы сразу продавались, вырученные деньги шли в доход государства, а золото-бриллианты отправлялись в Гохран.

А по мне — *все* это просто бесценно. Ведь в подземном хранилище — вся история Союза, его темная сторона. Считается, что именно по преступникам и совершенным ими злодеяниям можно оценить уровень развития всей страны. И это будут не рассуждения историков или экспертов, а чистые факты. Вещественные доказательства по самому громкому делу — делу Советского Союза...

Часть I

**Как на Руси
судили ведьм,
чародеев
и писателей**

Глава 1

Кость великана, медвежья голова: дела о колдовстве и чародействах

Борьба с колдовством на Руси велась испокон веков, хотя и без особого фанатизма: ведьм не сжигали на кострах, как в Европе, а в основном наказывали плетьюми. Более того: многих «чародеев» даже оправдывали.

«Суду предъявлены вещественные доказательства: кость великана и обожженная медвежья голова» — это цитата из реального судебного дела XVIII в. по обвинению старухи в колдовстве. Забегая вперед, скажу, что суд проявил беспристрастность и разобрался, признав женщину хотя и практикующей всякие чародейства, но невиновной в наведении массовых порч. Оказалось, что «потерпевшие» крестьяне не извивались и не кукарекали, а лишь танцевали и пели (причем оттого, что напились, а не из-за старушечьих ритуалов с «костью великана»).

Тульский архив

Мы с главным хранителем фондов Максимом Милениным открываем двери, за которыми спрятана история дореволюционной судебной системы. В Тульской губернии она в ту пору, пожалуй, работала лучше, чем в других. А главное — местные архивариусы смогли сохранить колоссальное количество судебных дел.

Уходящие в потолок полки идут длинными рядами. На них стоят пухлые папки, где прячутся настоящие сокровища для

Полки с бесценными сокровищами
в Тульском архиве

Хранитель архива Максим Миленин

исследователей. Мы аккуратно берем в руки листочки, которые, кажется, готовы рассыпаться, превратиться в прах. Но время отнеслось к ним бережно. Наверное, это объясняется качеством бумаги, на которой писались прошения для государя и для судов.

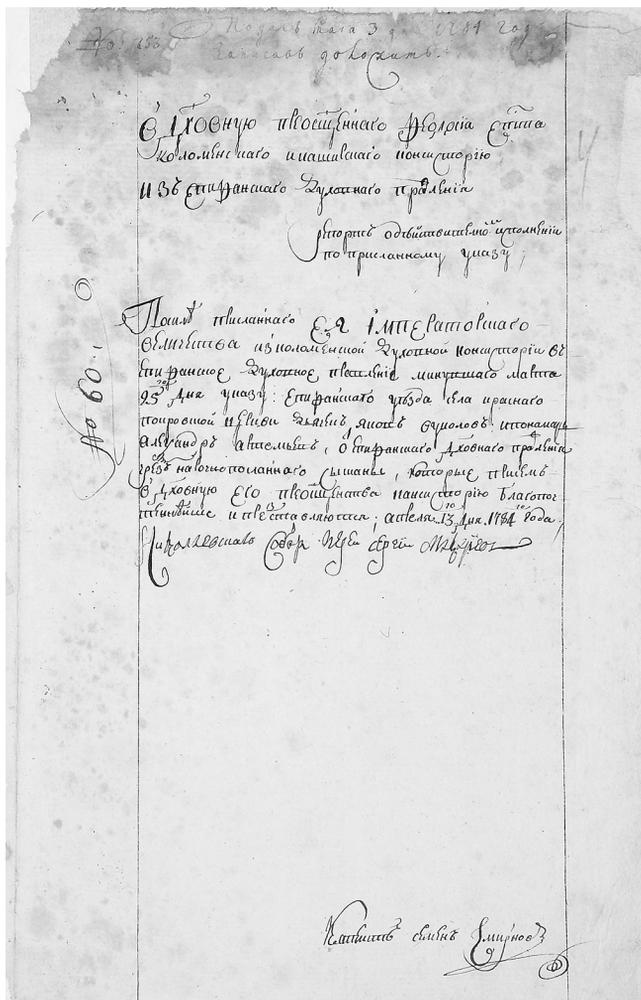
Меня интересуют дела, касающиеся обвинений в колдовстве, чародействе, волхвовании, еретичестве, черной магии.

Искать их в архиве — все равно что иголку в стоге сена. Должна признаться, мне не хватило бы и нескольких лет, если бы не Максим Миленин. Он предварительно исследовал архивные описи с короткими записями об уголовных делах, среди сотен и тысяч выписал номера, годы и прочие опознавательные знаки тех, что могут оказаться подходящими.

И — вот оно! Одно дело, второе, третье... Трудно передать словами чувство, возникающее, когда ощущаешь себя на пороге какого-то открытия. Что таят эти дела? Какие чудеса или ужасы описывают люди, которые по долгу службы их вели и выносили вердикты?

Фигурируют ли там, приняв реальное обличье, персонажи из сказок, которые мы сегодня рассказываем своим детям?

Обложившись делами, пытаемся расшифровать, что в них написано. На первый взгляд кажется, что это вообще не буквы, а узоры. Мне самой удалось распознать всего несколько слов на каждом листе. И тут на помощь пришла ведущий архивариус

Материалы дела на древнерусском языке

Ольга Цуканова, которая знает старославянский язык. К слову, дела конца XVIII в. читать уже гораздо легче.

— Основной массив документов относится к XVIII в., — анализирует наши находки Миленин. — Однако дела по обвинению в колдовстве, чародействе встречаются вплоть до 1860-х гг.

При их изучении становится очевидно, что в абсолютном большинстве случаев подобные дела заводились по доносам соседей или служителей церкви. Доносчики пытались таким образом очернить своих неприятелей. Иногда обвинение в чародействе было следствием того, что мы сейчас назвали бы «некачественным выполнением услуг». Иными словами, обратившиеся за помощью к «знахарям», «волхвователям», «волшебникам» не получали требуемого и жаловались на то, что их обманули.

Интересно, что эти дела представлены в фондах не только судебных учреждений, но и духовных правлений (Тульской духовной консистории, Коломенской духовной консистории), а также органов исполнительной власти: Тульского губернского правления, Тульской провинциальной канцелярии, Тульского губернского по крестьянским делам присутствия, Канцелярии губернатора. Можно предположить, что случаи обвинения в колдовстве и чародействе относились к ведению разных структур.

Здесь будет уместна цитата из документа, на который ссылаются во многих подобных делах. Она показывает, кто считался преступником и что считалось преступлением (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников):

Кто чинит колдовство или чародейство, или иной подобной обман, происходивший от суеверия или невежества или мошенничества, и для оного начертания на земле, или курение, или пугание чудовищем, или толкование снов, или искание клада, или искание видений, или нашептание на бумагу

или траву, того отсылать к суду, учинить с ним, как законы повелевают.

А закон тогда гласил, что, в зависимости от мотива и последствий, «колдуну» грозило наказание в диапазоне от церковного покаяния до смертной казни. Последняя, впрочем, применялась крайне редко.

И снова цитата — объяснение судам, в каких случаях казнить, в каких миловать:

Наказание есть обыкновенная казнь чернокнижцам, ежели оный своим чародейством вред кому чинил или действительно с диаволом обезательство имеет. А ежели же он чародейством своим ни кому никогда вреда не учинил и обезательства с сатаною никакова не имеет, то надлежит по изобретению дела того наказать другими вышеупомянутыми наказаниями и при том церковным публичным покаянием.

Еще один документ, попавшийся в процессе изучения дел, — решение одного из судов:

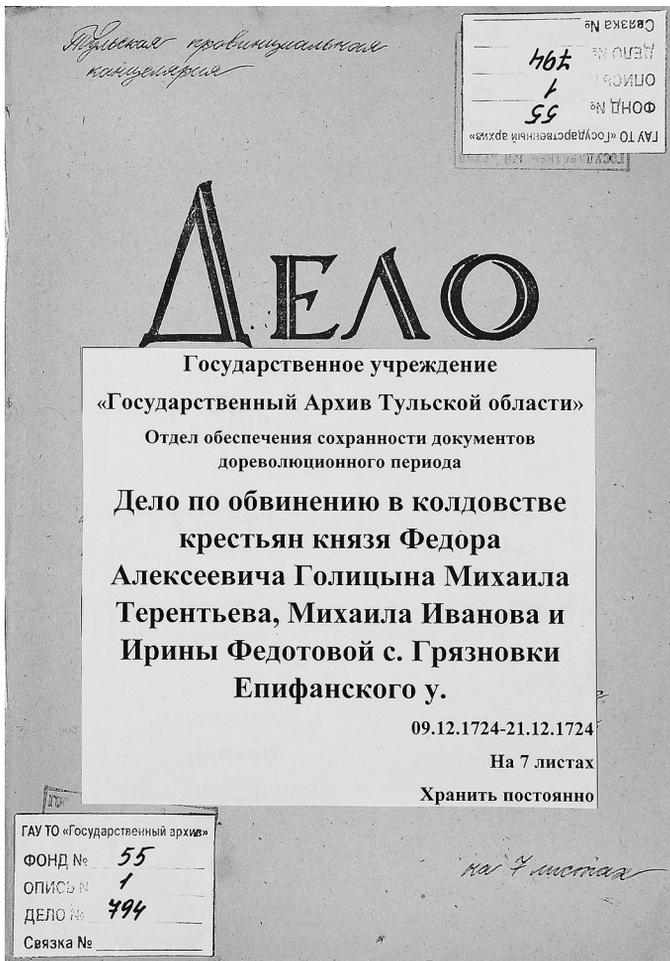
Дабы впредь никто никаких мнимых волшебников в дома явно и тайно не приводили и с ними в дома ни ходили и на пути о волшебствах разговоров с ними не имели и никакому душевредному их учению не обучались <...> учинено будет жестокое наказание битье кнутом.

То есть рекомендовалось наказывать и людей, которые доверяют всякого рода чародеям. Впрочем, уточнялось: если они донесут на таковых, то *«вины им отпущены будут безо всякого истязания высочайшаго»*.

Дело 1724 г.: отравление мужа кореньями

На старинной обложке старательно выведено: «Дело по обвинению в колдовстве крестьян князя Федора Алексеевича Голицына Михаила Терентьева, Михаила Иванова и Ирины Федотовой с. Грязновки Епифанского у.».

Указана и дата: 21 декабря 1724 г.

Дело по обвинению крестьян в колдовстве

Это самое старое из сохранившихся дел о колдовстве. В нем трое обвиняемых — одна женщина и двое мужчин.

Итак, суть дела.

Крестьянку Арину заподозрили в отравлении мужа, Андрея Федотова. Во время следствия выяснилось, что коренья для злого дела дал крестьянин Михаил Иванов. При этом:

...велел ей истолкши мужу давать в питание, чтоб его умертвить. И научал вместе с крестьянином Михаилом Терентьевым де ее Арину на те коренья наговаривать.

Таким образом де ей Арине отринуться [отречься] от Бога от отца своего и матери и того де ради познать ей тою науку еретическую. И велел де он Иванов ей, Арине, над рекой стоя чесать голову и нырять под воду и с нею де Ариною он Иванов жил блудно недели с три.

А дальше — почти детектив с погоней. Крестьян-«колдунов» Иванова и Терентьева привезли для допроса в Подмосковный надворный суд. А они взяли да сбежали из-под караула. Жили какое-то время в лесу, где их вскоре и поймали. Но для разбирательства решили опять-таки отправить в Москву в сопровождении двух других крестьян. И снова вышла незадача:

Не доехав до Москвы верст за двадцати и больше от помянутых крестьян они бежали и жили в бегах неведомо где.

Спустя пару месяцев беглецов поймали — на Тверской улице в Москве — и привели на московский двор князя Голицына. А уже оттуда отправили «для роспроса» (в то время это была первая стадия следствия по практически любому делу) в Тульскую провинциальную канцелярию. Именно здесь, если

выразиться современным языком, и были проведены все следственные действия.

В нынешнем 1724 году октября месяца приводил в Тульскую провинциальную канцелярию Епифанского господина моего вотчины сельца Грязновки крестьянку Арину Федотову с кореньями для роспроса — какия те у нея коренья. И оные коренья в канцелярию приняты. Да того же числа означенного сельца Грязновки приводил я и крестьян Михаила Терентьева да Михаила Иванова для допроса.

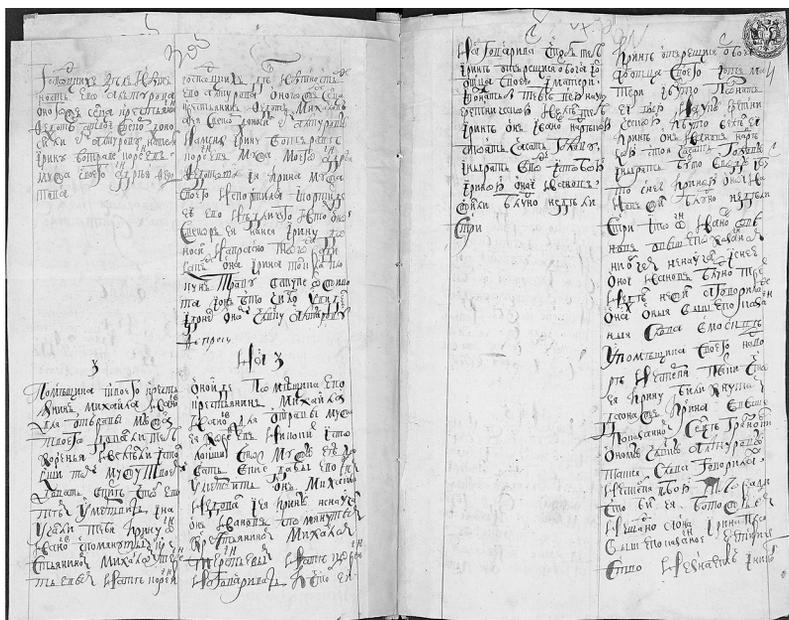
Затем началась вторая часть процесса дознания — «допрос с пристрастием». Ему были подвергнуты все трое. Современные эксперты уверены, что в ту пору «пристрастие» означало не что иное, как пытки. Но вот какого рода — физические или психологические?

Причем допросов было несколько, в том числе совместные и порознь. Приводятся имена тех, кто их производил: майор Семен Хотяинцов и майор Карп Зыбин. В деле есть протоколы допросов. На все вопросы трое обвиняемых отвечали отрицательно, ни в чем не сознавались.

Судя по датам, следствие и суд длились 11 дней. Вердикт был вынесен 21 декабря 1724 г. Михаила Терентьева и Михаила Иванова осудили и посадили в колодки в тюремный замок. Про Арину ничего не сказано, так что, скорее всего, она отделалась легким испугом.

Важный документ в деле — прошение самому императору, в котором изложены и фабула, и результаты расследования, и вердикт. Начинается оно так:

Пресветлейший Державнейший Император Самодержец Всероссийский Петр Великий Отец отечества

Судебное решение по делу о колдовстве

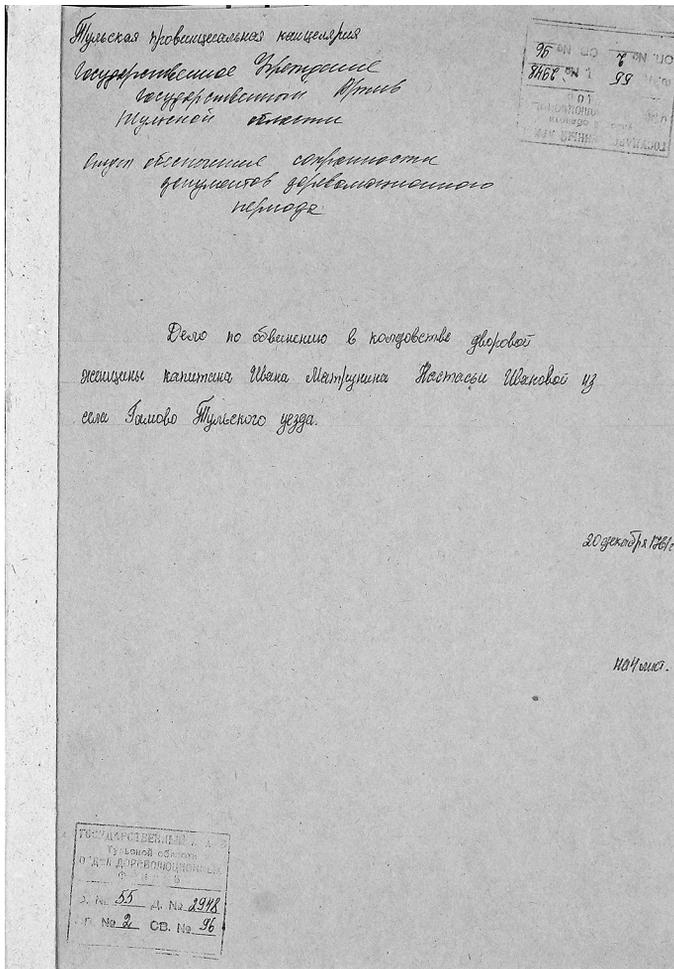
Царь Всемилостливейший. Бьет челом ближнего стольника князя Федора Алексеевича Голицына человек его Илья Кукишев.

Судя по всему, это была обычная практика — о подобных делах докладывать лично императору.

Дело 1761 г.: приворот для помещиков

«Дело по обвинению дворовой женщины капитана Ивана Матрунина Настасьи Ивановой из села Гамово Тульского уезда. 1761 году декабря 20 дня».

Это история о том, как дворовая девка Настасья Иванова решила прибегнуть к чародейству. «Чтоб помещик и помещица сохли и от наговоренной соли любили».

Дело от 20 декабря 1761 г. по обвинению дворовой девки в колдовстве (новую картонную обложку сделали в советские годы, однако само дело никто до меня не читал два с половиной столетия)

Зачем было Настасье привораживать барыню и барина, у которых она состояла в услужении?

— Речь о том, чтобы они перестали ее бить и ругать и вообще начали к ней хорошо относиться, — говорит Миленин. — Откуда и слово «любить» — в значении «не бранить, не наказывать».

В материалах дела описывается, как Настасья в вотчине помещика капитана Матрунина в Елецком уезде жаловалась свекрови, что бьют и бранят ее बारे почем зря. А затем следуют показания свидетеля Сергея Епифанова (орфография и пунктуация — оригинальные):

Пришед она Настасья к нему Сергею и просила ево чтоб ей дал соли наговориши и травы такой чтоб помещик и помещица сохли от наговоренной соли, любили, и он Сергей по той просьбе поехал в Елецкий уезд в село Старое Егорье к однодворцу Карпу Самсонову и просил ево о наговорении соли и о траве оной. Однодворец в доме своем наговоря ему Сергею соли и дал травы <...> и сказал чтоб ту соль и траву помещику класть в кушание тебя станут бояре любить.

Для тех, кто не все понял, кратко перескажем. Пришла Настасья к дворовому мужику Сергею Епифанову и попросила его съездить в другое село к Карпу Самсонову, который был известен тем, что умел делать наговоры. И вот Карп на соль и на траву все, что нужно, «наговорил» и велел добавлять помещикам в еду и питье. Обещал, что после этого они смягчатся и будут лучше к ней относиться.

Настасья, судя по материалам дела, во всем призналась. Но уверяла, что делала все не со зла и точно не хотела причинить (и не причинила ведь в итоге) вреда здоровью помещиков:

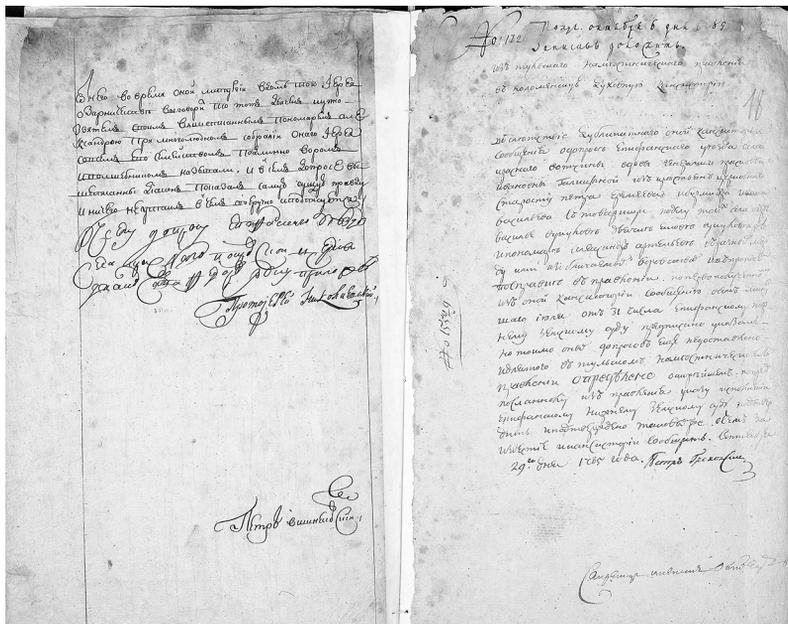
В провинциальной канцелярии того же уезда роспросе показала что по известному своему намерению действительно таким образом во время обеда и становила точно <...> как ему так и домовним ево никакого вреда не последовало. Да чтоб ей оное чинено было из повреждения ево здоровья

умышленно того и обстоятельство ее показания не окажется а видно что оное от нее произошло из одного ее неразумения.

И снова «перевод»: следствие не установило причинения вреда здоровью помещиков. А мотивом поведения Настасьи посчитали ее дремучесть.

К слову — в рамках расследования подтвердилось, что бояре действительно были суровы с девушкой. И, вероятно, раскаялись после произошедшего (их тронуло, что девушка пыталась смягчить их сердца хотя бы волшебством). Иначе чем объяснить, что помещик просил не наказывать Настасью и отпустить домой?

Любопытно, что в окончательном решении по этому делу судьи ссылаются на указ номер 5761 императрицы Анны Иоанновны от 25 мая 1731 г. «О наказании за призывание волшебни-

Материалы дела на древнерусском языке

ков и о казни таковых обманщиков». Согласно ему наговоры и прочее расценивались как «богопротивное преступление». Так что совсем без наказания не обошлось. Вердикт был таким: *«Учинить жестокое наказание плетьюми и по учинении из под караула свободно и по желанию одного ее помещика отдать ему по прежнему во услужение с роспиской»*.

Дело 1784 года: как священника в чародействах обвинили

«Дело о самовольных отлучках от должности дьячка и пономаря Покровской церкви села Красное Епифанской округи Якова Вуколова и Александра Артемьева, о ложном ими обвинении в колдовстве священника той же церкви Василия Вуколова».

Даты: 1784–1788 гг.

Это самое трудное и долгое дело из всех, что мы обнаружили. Вероятно, из-за того, что обвиняемый не простой крестьянин, а священник.

Итак, иерей церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Красного Епифанского уезда Василий Вуколов написал доношение в духовное правление. В нем он сообщал, что дьяк и пономарь часто самовольно покидают церковь и даже село. Для чего? Торговлей занимаются по разным местам. Вероятно, после этого оба решили ему отомстить.

Из материалов дела вырисовывается серьезный конфликт между священнослужителями. Пономарь и дьяк бывали в господском доме и там рассказывали, что сын священника якобы ворует овес с господского поля да и вообще хранит в ульях волшебное зелье. Обвинения более чем серьезные, так что сразу началось следствие. И вот что оно выяснило: *«По осмотру села старосты Ивана Ермолаева с дворовыми людьми в доме того священника овса и в ульях никакого зелия не найдено»*.

Зато под обвинения попали сами доносчики.

Дьячок и пономарь в сентябре месяце того года в воскресный день по окончании литургии на церковной паперти при многолюдном собрании означенного священника называли вором и волшебником. А в 1784 года о светлой неделе ходя по приходу со святыми иконами на улице ругали онаго же священника скверными словами и называли сукиным сыном.

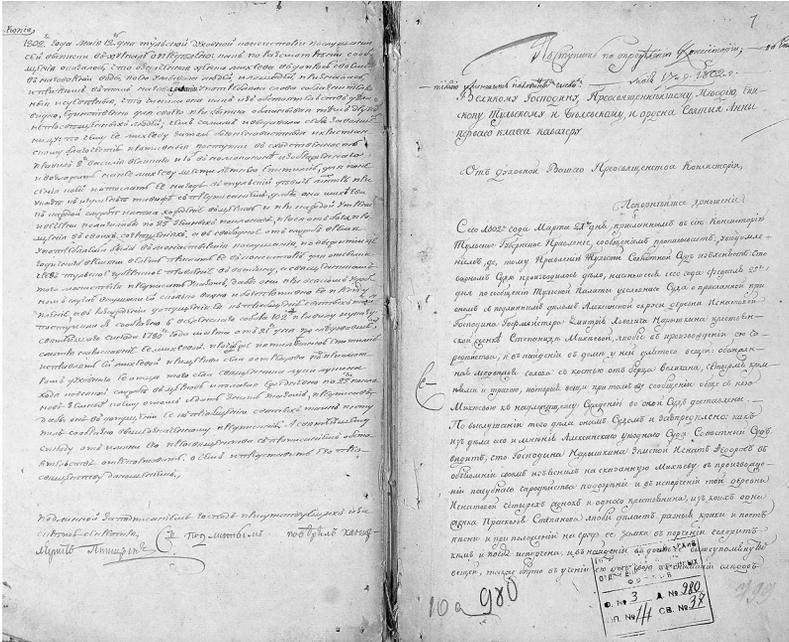
Суд постановил взыскать с дьячка и пономаря в пользу обиженного священника пять рублей. А за самовольное отлучение от должностей их еще и арестовали— однако сразу же, сославшись на манифест Екатерины II от 28 июня 1787 г. «О разных дарованных народу милостях», освободили. Правда, с оговоркой:

Подтвердя толко им с подпискою дабы впредь без ведома священника никуда от церкви не отлучались и должности свои исполняли бы без оставочной; а пономарю сверх того чтобы впредь никакого торговаго промыслу яко духовному званию не приличнаго не имел.

Дело 1802 г.: **четыре камня и травяные порошки**

«Дело о наложении церковной епитимии на крестьянку из д. Игнатово Алексинской округи Степаниду Михееву за колдовство».

Указаны даты последнего судебного разбирательства — с 21 марта по 18 мая 1802 г.

Дело Степаниды

В этом деле обвиняемая одна — крестьянка Степанида Михеева из деревни Игнатово. Дело рассматривал Тульский суд. На процесс принесли вещественные доказательства: обожженную медвежью голову, «кость от берца великана», четыре камня, травяные порошки. Потерпевшие — четыре крестьянские жены и один крестьянин. На них Степанида якобы навела порчу. В результате ее «пагубного чародейства» они кричали не своим голосом и танцевали.

Специально говорится про одну крестьянку: «Авдотья Степанова выкликивала, молодцом охала и кукушкою куковала», а еще — «испрадила задним проходом пивяицы и один раз какое-то белое животное видом подобное котенку». Другие же, как сообщается, после ворожбы страдали болезнью живота.

Что интересно, сами крестьяне себя потерпевшими вроде как и не считали, претензий к Степаниде не имели. А все дело

появилось благодаря доносу некоего Игната Федорова, который был «господина Нарышкина земский».

И вот начался суд, которому предшествовали и «ропрос», и «допрос с пристрастием». Судя по материалам, Степанида признавала, что люди обращаются к ней за помощью, однако «порчу» отрицала. Про изъятые у нее ритуальные вещи говорила, мол, достались по наследству. В их особые свойства Михеева верила всей душой, но опять-таки настаивала, что служили они ей для доброго, а не для злого дела.

Старуха Михеева с допросов и священнического увещевания в чародействе признания не учинила, а показывала, что она вышеупомянутые вещи получила от старухи преставленной женки Федосьи Иевлевой — бабки мужа своего — для больных людей и лошадей, с коих она с наговором воды умывала.

А пагубного над ними а равно и над женками деревни их и крестьянином чародейства никакого не имела и почему они страдают, не знает. Так же и дочь свою Аграфену учила только помогать. Умывает же она, Михеева, с тех костей и кремней уже лет двенадцать, о чем деревни их все крестьяне известны.

Интересно, что во время допроса Михеева *«объявила слова, которая она на воду наговаривала именно для людей»*. Стоит привести их целиком:

...Мать пресветая Богородица сохрани и помилуй в разных глас а потом наречие на окияне на острове на Буяне лежит бел гарюч камень на том камне стоит церковь а в той церкви мать пресвятая Богородица со всеми апостолами

и протчя также божественное». Михеева показала, что «речей других, касающихся до сношения с дьяволом, не знает. Богородице единственно клонятся, по одному суеверию, а не чародейству».

В суд доставили и дочь.

Аграфена имеющая от роду 11 лет в допросе показала, что она учена матерью ее снимать следы как чело­вечия так и скотные под матицу. А что потом от сего збудется, она не знает.

А еще сообщала, что якобы не хотела всему этому учиться и осуждает мать.

Девять крестьян выступили в качестве свидетелей. Сказали одно и то же: *«пагубного чародейства за Михеевой не приметили»*. Напротив, показали, что много она людей разных селений *«умывает спеченною медвежьей головы водою постной, некоторым бывало облехчение»*.

Привели на суд и штаб-лекаря Пиняева. А он сообщил, что крестьяне в деревне Игнатово действительно периодически мучились болями в животе, но болели от естественных причин, а не от колдовства. Выяснилось также, что, когда они *«кукарекали и извивались»*, это происходило на самом деле оттого, что пьяны были.

Судьи изучили вещдоки. К медвежьей голове у них никаких вопросов не было (ну голова и голова, подумаешь). Происхождение кости установить не смогли, но и отрицать, что она принадлежала именно великану, не стали.

Особенно заинтересовали порошки. Однако в итоге судьи пришли к выводу, что они не опасны:

Атрава в виде парашка по испытанию его не показала в себе ничего такого из чего б можно было судить об ядовитости ея.

Изучаем материалы дальше (это дело самое большое, в нем много листов). Получается, что Степаниду и в тюрьму бросили на стадии следствия, и потом судили несколько раз. Первым рассмотрел ее историю Алексинский уездный суд:

...Мнением своим положил ее, Михееву, наказывать в той деревне Игнатовой плетьюми и отдать в вотчину с роспискою с подтверждением дабы она впредь с наговорением воды никого не умывала а кости траву и кремни истребить а о дочери ее малолетней Аграфене никакогого суждения не получи.

Примечательно, что суд указал про Аграфену: никакие показания детей (даже совершеннолетних) против родителей приниматься не должны. А еще в своем решении прописал, чтобы за малолетней Аграфеной присматривали соседи.

Тульский совестливый суд дал более развернутое определение и сослался все на тот же указ от 25 мая 1731 г.

Он постановил признать виновной *«падшую сию женщину Михееву в преступлении и признавшеюся ею самою как то умывание с найденных у ней вещей людей и лошадей с нашептанною водою единственно по одному суеверию невежеству, глупости и обману»*. А в чародействе и колдовстве ее оправдали.

При этом суд учел, что она долго сидела в тюрьме под стражей, и повелел:

Чтоб истинное принесла покаяние в суеверии и обмане да и впредь бы на оное не возвратилась, произвести ей покаяние церковное, для чего и препроводить ее, Михееву, в тульскую духовную консисторию, на сколько времени оная консистория по законам определит.

А потом отдать ее в селение управляющему вотчиною и соседям с роспискою строгим во оной подтверждением, дабы она впредь никого как людей, так и лошадей с нашептыванием воды и без шептания не мывала.

Вшит в дело документ, где расписано, как именно должна Степанида проходить двухлетнюю духовную епитимью в Тульском девичьем монастыре:

При каждой утрени и вечерени полаганием по двадцати пяти поклонов земных и употреблением ее в свободное от службы время в монастырское послушание.

— Содержание всех документов, что мы обнаружили, говорит о суевериях и малограмотности обвиняемых, — резюмирует наше архивное расследование Максим Миленин. — И о том, что обряды свои они проводили скорее по незнанию, нежели по злему умыслу.

Дела, которым три сотни лет

Что же касается решений по данным делам — в архиве пока не найдено ни одного дела, в котором бы обвинение смогло доказать, что имело место собственно колдовство или чародейство. Соответственно, нет и указаний на то, что обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания — казни.

Часть людей были оправданы, часть подверглись штрафам и тюремному заключению, на третьих налагалась церковная епитимья, а от иных требовались лишь публичное покаяние и обязательство не исполнять более никаких ритуалов.